Тот, кто видел всё

детектив

О. ВАВИЛОВА

18+

О. Вавилова

Тот, кто видел всё

«Автор»
2026

Вавилова О.

Тот, кто видел всё / О. Вавилова — «Автор», 2026

Семь лет назад в городе убили Надежду Степанову. Убийц нашли быстро — слишком быстро. Потом убили жену следователя Андрея Соболева, и дело снова закрыли за считанные дни. Соболев ушёл из полиции, но не ушёл из города: каждый вечер, ровно в одиннадцать, он приезжает к месту, где всё закончилось.Теперь убит бывший следователь Громов — тот самый, что копал старое дело. А в кулаке убитого бармена — пуговица с чужого пальто. Криминальный журналист Екатерина Лаврова берётся за расследование, которое не поручал никто, и быстро понимает: убийца не прячется. Он рядом. Он здоровается, выдаёт папки, помнит всех по именам. Он видел всё — и много лет ждал, когда его заметят.Это история о тех, кто стоит в дверях и смотрит. О пуговицах, листьях и дверях, которые закрываются без щелчка. И о том, что под снегом ничего не исчезает — оно просто ждёт весны.Первая книга детективного цикла О. Вавиловой. Продолжение — «Тот, кто умеет».

© Вавилова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Он 8
Глава 1. Лист подо льдом 9
Он 11
Глава 2. Зимний сад 12
Он 15
Глава 3. Буква «Н» 16
Глава 4. Он видел всё 18
Он 20
Глава 5. Автоответчик 21
Глава 6. Пятница 24
Глава 7. Надо снизу 26
Глава 8. Пуговица в кулаке 29
Он 31
Глава 9. Смотри на руки 32
Он 35
Глава 10. Студент 36
Глава 11. Значок 38
Он 41
Глава 12. Свои 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

О. Вавилова
Тот, кто видел всё

О. Вавилова
Тот, кто видел всё
Роман

Пролог

Фёдор Степанов не любил осень. Она пахла сыростью, тоской и прелыми листьями. Но его дочь, Надежда, любила. Она говорила, что осень — это время, когда мир становится честным. Деревья сбрасывают маски, и видно, какие они настоящие.

— Пап, смотри, — сказала она и показала на жёлтый кленовый лист. — Он такой красивый, даже когда умирает.

Он посмотрел на лист, потом на неё. Ей было девятнадцать.

— Ты — моя осень, — сказал он. — Ты не умираешь. Ты просто меняешь цвет.

Она звонко засмеялась. Он запомнил этот смех. Он слышал его потом много раз — во сне, в тишине, в шуме дождя.

Её убили через три дня.

Она возвращалась из университета поздно, почти ночью. Тёмная улица. Фонари совсем не горели. Она шла быстрым шагом, с книгой в руках, и думала о том, что дома пахнет яблоками.

Они вышли из тени. Трое. Молодые, с пустыми, как стеклянные банки, глазами.

— Какая красотка! Куда торопимся, милая? Поделись телефоном, — сказал один.

Она отдала. Молча. Ей не было страшно. Ей было их жалко. Она смотрела на них и видела: они боятся больше, чем она.

— Деньги, — сказал второй.

Она открыла зелёную сумочку, достала кошелёк и вытащила всё, что в нём было. Второй пересчитал и сплюнул. Мало.

Третий стоял позади. Он не говорил. Смотрел. Под мёртвым фонарём на его поясе блеснула пряжка ремня — жёлтая, как лист, который она показывала отцу.

Он шагнул вперёд и взял её за руку.

— Пойдём с нами, милая. Тебе понравится.

Она отдёрнула руку. Она не кричала. Она просто сказала:

— Нет.

И посмотрела ему в глаза. Не зло. Жалея.

Он ударил первым.

Она упала на асфальт. Они били её ногами, пока она не перестала двигаться. А когда она перестала дышать, они ушли. Она осталась на мокром асфальте, под серым небом, среди жёлтых листьев.

Один из листьев сорвался с дерева, как будто боялся, что всё закончится без него, и нежно опустился к ней в окровавленную ладонь.

Фёдор нашёл её через несколько часов. Она лежала в луже. Дождь смывал кровь с её лица, будто хотел сделать её снова чистой. Жёлтый лист так и лежал в её руке. Как послание. Ему.

Земля не ушла из-под ног. Она стала чужой. Он пошатнулся.

— Ты обещала, — прошептал он и упал на колени. — Ты обещала, что не уйдёшь, моя маленькая девочка.

Она молчала. Дождь стучал по асфальту. Он взял её руку, прижал к губам и тихо, почти беззвучно заплакал.

Убийц нашли через две недели. Двоих. Про третьего они говорили одно и то же: он ударил первым, он платил. Как его зовут — не знаем. Его след потерялся, будто его никогда и не было.

Дело закрыли. Слишком быстро. Сказали, что виновные будут наказаны.

Фёдор больше не мог носить форму, которая не защитила его дочь. Как железный саван, не давая дышать, она сковывала каждое его движение. Он ушёл из полиции и стал начальником службы безопасности в клубе «Зимний сад». Он не искал правду. Он прятался от неё.

Каждый раз, когда он видел жёлтый лист на асфальте, останавливался и вспоминал её смех. «Он такой красивый, даже когда умирает».

Он больше не верил в справедливость. Он верил только в то, что дочь была права: мир честен, когда снимает маски.

Иногда, когда дождь стучал по крыше, он закрывал глаза и слышал её голос:

— Пап, не ищи их. Ищи покой.

Он не знал, где покой. Он знал только, что она ушла в день, когда мир стал серым. И с тех пор носил этот серый цвет в себе.

Он

Тех двоих найдут через две недели. Ты знал это, когда выбирал их. Таких находят всегда. Они громко говорят, много пьют и хвастаются чужими телефонами.

Тебя не найдут. Ты не говорил, платил.

Утром ты вернулся на ту улицу. Асфальт уже вымыли. Город быстро прибирает за собой — быстрее, чем люди.

Её лист забрал отец. Ты видел, как он разжимал ей пальцы. Палец за пальцем.

Ты поднял другой. С той же ветки. Положил дома между страницами толстой книги и придавил сверху ещё двумя.

Листья сохнут долго, а ты уже умеешь ждать.

Глава 1. Лист подо льдом

С того дня прошло почти семь лет.

Фёдор шёл через старый парк в половине восьмого утра.

Он не ходил этой дорогой. Он приходил сюда вечером — каждый вечер, семь лет, к тому фонарю. Утром здесь всё было чужим. Дворник скрёб лопатой дорожку. Собака тянула хозяина к сугробу. Обычное утро обычного парка, в котором никто ничего не помнил.

У фонаря Фёдор остановился. Не хотел, но ноги остановились сами.

Под тонкой коркой льда, у самого столба, лежал лист. Жёлтый. Кленовый. Вмёрз в лёд, как жук в янтаре, — каждая прожилка видна. Откуда он здесь, в декабре, под снегом, Фёдор не знал. Клёны облетели два месяца назад. Листья убирали дворники, а этот специально спрятался. Ждал его.

Он стоял и смотрел на лист. Дворник перестал скрести и тоже посмотрел — на него. Потом пожал плечами и пошёл дальше.

Фёдор не стал его доставать. Он ни разу за семь лет ничего не взял с этого места. Только смотрел.

В клубе было тихо. Охранник спал за стойкой, положив голову на руки. Фёдор не стал будить. Тихо поднялся на второй этаж. Дверь кабинета Громова была заперта. Он постучал. Подождал. Постучал ещё раз. Набрал номер, телефон зазвонил в кабинете.

Фёдор достал свой ключ.

Он долго стоял на пороге. Не входил. Не звал. Пальцы нашли пуговицу на пиджаке — расстегнуть, застегнуть, расстегнуть.

Потом набрал номер, который давно не набирал.

* * *

Снег падал уже третьи сутки. Он не шёл — он лежал на городе тяжёлым мокрым одеялом. Замёрзло всё. Даже фонари. Они горели, но не грели. Они просто хотели быть выключенными.

Андрей Петрович Соболев стоял у окна. Кабинет у него был небольшой, с порядком, который граничил с аскетизмом. Тёмно-серые стены. Чёрное пальто на вешалке у двери ждало, когда его наденут. Над столом висела старая карта города. На ней кто-то обвёл карандашом здание следственного отдела. Андрей знал, что это сделал он сам, но не помнил когда. Да и зачем.

Большое синее кожаное кресло помнило многое и многих. Оно стояло у шкафа, прижавшись к нему спинкой, как старый друг, который не умеет говорить, но всегда слушает. Рядом — маленький кофейный столик. На нём стояла пустая чашка. Она ждала, когда её снова наполнят. Она ждала уже почти шесть лет.

Андрей смотрел на неё и думал: «Я мог бы её выбросить. Но если я выброшу её, кто будет ждать?»

Он застегнул пиджак на последнюю пуговицу, хотя в кабинете было тепло. После смерти Веры он всё застёгивал до конца.

Андрей не любил зиму. Но Вера любила. Она говорила, что снег — это тишина, которую можно потрогать. Что он укрывает всё плохое и даёт миру шанс начать заново.

Он закурил свои тонкие сигареты, которые всегда прятал их от всех. Даже от себя.

На столе остывал кофе. Он его не пил — грел ладони. Единственное тепло, которое он теперь себе позволял.

У кресла стояла трость. Наследство от отца. Он ею не пользовался, но она всегда была рядом — как напоминание о том, что даже у самого сильного есть слабость.

В приёмной щёлкнул выключатель. Елена Сергеевна пришла, как всегда, к восьми и, как всегда, не спросила, почему он опять ночевал в офисе. Домой он ездил раз в сутки, всегда в одиннадцать вечера, ненадолго. За пять лет она не спросила об этом ни разу.

— Ты опять не спишь.

В дверь просунулась рыжая голова. Кэт стряхнула снег с волос — они у неё жили своей жизнью и снегу не подчинялись. Скинула пуховик, потом ботинки на толстой подошве, прошлёпала в носках к батарее.

— Знаешь, Андрей, если бы я была снегом, я бы уже заметала твою квартиру.

Снег с её пуховика остался на полу маленькими мокрыми пятнами.

Они познакомились давно, когда Андрей ещё был следователем по особо важным делам. Катерина ворвалась к нему в кабинет — одной ей известно, как она прошла мимо охраны. Андрей поднял голову от бумаг и увидел веснушчатую девчонку с острым, как у охотницы, взглядом. Она смотрела на него так, будто он был ей должен. Она задавала неудобные вопросы по делу. Он пытался её выгнать, но она говорила так, что приходилось слушать. Тогда он не признался. Но она была права.

— Сон — единственное, что я могу контролировать, — ответил он, не оборачиваясь. — И я не хочу его терять.

— Это дело тебя достало?

Он повернулся. В его глазах была не усталость. Тоска по Вере. По прошлой жизни.

— Дело никогда не достаёт. Люди — достают.

Зазвонил телефон.

— Да, Фёдор… Могу.

Он замолчал, глядя на снег.

— Буду через двадцать минут.

Кэт уже стояла в дверях с сумкой. В сумке всегда лежал её рабочий набор: резиновые перчатки, пинцет, увеличительное стекло и чистые конверты для улик.

— Клуб? — спросила она.

— Клуб.

— Опять Трофимову за тебя бумажки писать?

— Он сам просил, — Андрей натянул пальто. — Ему так меньше висяков.

— Ему так меньше работы, — сказала Кэт и первой вышла в снег.

Он

Окно на третьем этаже гаснет в семь. Сегодня — раньше. Значит, позвонили. Значит, поехал.

Ты знаешь, как он надевает пальто. Сначала левый рукав. Потом поправляет воротник. Потом застёгивает пуговицу, которую можно не застёгивать.

Над его столом висит карта. На карте круг.

Он не помнит, зачем его нарисовал.

Но ты помнишь. Всегда.

Глава 2. Зимний сад

Элитный клуб «Зимний сад» стоял на окраине города. Снаружи — стекло и бетон. Внутри — почти Версаль. Хозяева клуба, судя по всему, были почитателями короля-солнца. Золотом были покрыты двери, окна и даже потолки.

Местами золото на потолке облупилось. Оно помнило руки, которые его наносили, как на него смотрели. Теперь оно смотрело само на всех свысока.

Стены были обиты шёлком. Когда-то они слышали смех, шаги, приглушённые голоса, чьи-то тайны. Сейчас они помнили только гул вентиляции.

Фёдор Степанов встретил Андрея у входа. Невысокий, плотный, с седеющей бородой и уставшими, но внимательными глазами. Его лицо было как карта, которую складывали слишком много раз. Морщины не от старости, от того, что он пытался вспомнить то, что забыл.

Простой серый костюм. Неброский. Опрятный. Одежда человека, который привык оставаться в тени, но тень была не снаружи. Внутри.

Они познакомились много лет назад, когда Фёдора перевели в отдел Андрея. Они вместе раскрыли несколько дел. Первым со службы ушёл Фёдор — после гибели Надежды. Потом Андрей. Теперь каждый шёл своей дорогой, но они остались друзьями.

— Где его нашли? — спросил Андрей, стряхивая снег с пальто.

— Второй этаж. В конце коридора.

Их встретил запах остывшего табака и пыли. Она не спрашивала, зачем они пришли. Она лежала на коврах, свисала с люстр, пряталась за шторами. Она ждала.

Высокий ворс ковра глушил шаги. Мраморная лестница с позолоченными перилами уходила наверх.

— Алексей Громов, тридцать восемь лет, — говорил Фёдор на ходу. — Бывший следователь. Из соседнего отдела. Ушёл вскоре за нами. — Он громко чихнул и вытер нос платком. — Простите, простуда. Дверь была заперта. Окно одно, во внутренний двор.

— Как нашли?

— Мне нужно было подписать у него бумаги. Лёша не брал трубку. Подхожу к двери — а телефон звонит внутри. Стучал. Никто не открыл. Открыл своим ключом. А тут вот.

Дверь в кабинет Громова была тяжёлой, обитой кожей, но поддалась легко. Будто давно ждала, чтобы показать, что там внутри.

Комната была как хозяин — закрытая, молчаливая. Тёмно-зелёные стены. Бархатные занавески задёрнуты наполовину. Массивный дубовый стол в царапинах и чернильных пятнах. Кожаное кресло с высокой спинкой. Шкаф, забитый папками. На полу — пушистый светлый ковёр, почти бежевый. На нём уже темнели пятна. Лампочка в настольной лампе устала освещать эту сцену.

Громов лежал на полу. Левая рука вытянута в сторону. Пистолет рядом. На журнальном столике — стакан с водой. Всё выглядело почти идеально. Почти.

На столе стояла фотография — так, чтобы её видел только тот, кто сидит за столом. Девушка на снимке улыбалась. Не фотографу. Кому-то рядом. Андрей взял рамку в руки.

— Кто это?

Фёдор смотрел на фотографию так, будто видел её впервые. Или видел каждый день, но так и не смог привыкнуть.

— Это моя дочь. Надежда.

Он замолчал. Фотография тоже молчала, сколько бы он на неё ни смотрел.

Андрей кивнул. Про Надежду знали все в отделе. Но он не знал, что Фёдор до сих пор ищет правду.

Он присел на корточки у тела. Его и без того резкое лицо заострилось. Серые глаза остановились на одной точке.

Кэт уже стояла рядом в тонких латексных перчатках. Сделала несколько снимков: общий план, лицо, руки.

— Видишь? — спросил он, не вставая.

— Что?

Он показал на ручку на столе, потом на стакан.

— Громов писал левой рукой. Почерк с наклоном влево. А ручка лежит справа от бумаг. И стакан стоит справа.

Кэт наклонилась над ручкой с увеличительным стеклом.

— Отпечатков, похоже, нет. Протёрли. Стакан тоже. Следов губ нет — из него не пили. Его просто поставили. — Она приподняла пинцетом край пиджака. — Следов пороха на одежде нет. Стреляли с расстояния.

В коридоре загремели тяжёлые шаги. На пороге появился мужчина в форме полковника — грузный, краснолицый, с усталыми глазами.

— Соболев, — сказал он без приветствия. — Опять ты. Я думал, ты из этой игры вышел.

— Здравствуйте, Илья Николаевич. Я здесь по контракту с клубом. Внутреннее расследование.

Полковник Трофимов глянул на тело и поморщился.

— Твоя рыжая опять трогает мои улики?

— Фиксирует. Для меня. Вы получите всё.

— Ты мне должен бутылку «Мерло», — буркнул Трофимов без злобы. — Ладно. Работайте. Но если ваша самодеятельность помешает следствию, прикрою вашу контору. Ясно?

— Ясно.

«Мерло». Андрей не обернулся. Откуда он знает про «Мерло»? Потом вспомнил: Трофимов был на поминках. Стоял у окна и пил. Конечно, был.

— Работаем, — махнул Трофимов эксперту. — И чтобы следов этих частников в деле не осталось.

Андрей отодвинул штору. Снег за окном падал безжалостно — всё ему было мало. В груди защемило.

Он вспомнил их квартиру. Небольшую, тёплую. Старый диван и книжный шкаф от родителей Веры. Цветы на подоконнике.

Она стояла у окна в тот вечер. В белом платье, которое он подарил ей на день рождения. Снег падал, и она улыбалась ему, будто видела что-то, чего он не мог разглядеть.

— Андрей, посмотри. Он падает так тихо. Хочет сказать что-то важное.

Он не посмотрел. Он смотрел на неё. Её волосы пахли снегом и цветами. Он помнил этот запах до сих пор.

— Ты — моё сокровище, — сказал он.

Её убили на следующий день. В декабре. Через год и два месяца после смерти Надежды Степановой.

Он вышел за вином — её любимым «Мерло» — и задержался в магазине. Когда вернулся, она лежала на полу в том же белом платье. Пуля попала в грудь. Прямо в сердце.

Снег за окном перестал падать.

Андрей упал на колени и прижал её к себе.

— Как же так, милая моя, — голос застрял в горле. — Как же так…

Она молчала.

В деле записали: ограбление. Через месяц взяли двоих — они чистили квартиры в соседнем подъезде. Про выстрел оба твердили одно: не мы. Им не поверили. Стрелявшего так и не нашли. Дело закрыли.

Андрей ушёл со службы. Он не мог смотреть на преступления, которые оставались безнаказанными, и делать вид, что это нормально. Открыл частное агентство. Без надежды найти того, кто её убил. С надеждой сделать мир хоть чуточку честнее.

Он больше не верил в справедливость. Он верил в детали. В то, что нельзя подделать.

Иногда, когда снег падал особенно тихо, он слышал её голос:

— Ты — моя тишина. Ищи правду в том, что осталось.

Андрей моргнул. Кэт смотрела на него и ничего не говорила. Он не знал, что осталось. Он знал только, что она ушла в день, когда снег перестал падать.

Он

Ты сделал всё правильно.

Стакан — на стол. Письмо — ровно, по краю стола. Ручка — справа, колпачком к окну. Так её кладут все нормальные люди.

Начнём воплощение.

Глава 3. Буква «Н»

Андрей с Фёдором вышли курить.

Кэт осталась одна. Воздух в комнате стал давить на плечи. Стены смотрели с вызовом. Знали что-то, чего не знала она. Она закрыла глаза.

— Если бы я была убийцей, — сказала она вслух, и голос прозвучал слишком громко. — Я вхожу. Громов сидит в кресле. Он напряжён, но в то же время не ждёт подвоха. Значит, меня он знает. Или ждёт. Чужого он бы к себе не подпустил — он проверял замок по три раза. Я стучу. Он встаёт. Выстрел.

Она открыла глаза.

— Выстрела никто не слышал. Почему?

Она подошла к стене. Обшивка толстая — звукоизоляция. С глушителем никто бы не услышал. Но где глушитель?

Она провела пальцем по столу. Пыль. Громов не убирался несколько дней. Или перестал замечать такие детали.

Кэт сунула руку в карман и нащупала старый полицейский значок. Покрутила в пальцах. Она всегда так делала, когда думала.

Дверца шкафа была приоткрыта. Кэт подошла, проверила перчатки и заглянула внутрь. Папки с серыми корешками стояли ровными рядами. Выстроены, как солдаты на параде. Она вынула одну — отчёты, счета. Вторую — то же самое. И тут за папками, у самой стенки, что-то желтело.

Жёлтый конверт. Старый, но не от времени — от того, что его часто брали в руки. Края потёрты. Имени нет. Одна буква: «Н».

Шаги за дверью. Кэт сжала конверт, и бумага хрустнула в кулаке. Только убрав его в сумку, она поняла, что всё это время не дышала.

«Позже верну на место», — сказала она себе.

Она задвинула папки и отошла от шкафа за секунду до того, как открылась дверь. В проёме мелькнул эксперт Трофимова с чемоданчиком — заглянул, кивнул и пошёл дальше. Кэт так и не поняла, видел он что-нибудь или нет.

Андрей вернулся с Фёдором.

— Ты знал, что у него стоит фотография твоей дочери?

Фёдор смотрел на фотографию. Потом на окно. Потом снова на фотографию.

— Нет, — сказал он наконец глухим голосом. — Он никогда не говорил о Надежде. Никогда.

— Тогда откуда она у него?

Фёдор достал сигарету, но не закурил — просто держал в пальцах.

— А тебе не кажется, что Лёша сам? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет. Кто-то хотел, чтобы мы так думали.

— Я бы проработал эту версию, — Фёдор повернулся. Его пальцы нашли пуговицу на пиджаке: расстегнуть, застегнуть, расстегнуть. — Дверь заперта. Ключи были только у меня и у него.

Андрей посмотрел на пуговицу. Потом на Фёдора. Задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно.

— Ты знаешь, что он не убивал себя, — сказал он тихо.

Фёдор смотрел мимо него. В его глазах было что-то, чего Андрей не мог прочитать.

Андрей положил руку ему на плечо.

Фёдор кивнул и отвернулся к окну.

— Уже поздно. Завтра продолжим. Я хочу поговорить со всеми, кто сегодня был на смене.

— Конечно, — сказал Фёдор, не оборачиваясь.

Андрей задержался у двери, глядя ему в спину. Хотел что-то сказать. Не сказал.

На улице Кэт улыбнулась:

— Да кури уже.

Андрей достал пачку, постучал по ней пальцами. Он смотрел на окно кабинета Громова.

— Что-то не даёт мне покоя.

— Мне тоже. — Кэт похлопала по сумке. — Я нашла в шкафу жёлтый конверт. При Фёдоре показывать не стала.

Андрей поднял бровь.

— А ты растёшь. Поехали.

Он сказал это, не глядя на неё. Но у машины, когда она возилась с замком, он протянул руку и стряхнул снег с её плеча. Быстро, одним движением, как стряхивают пылинку с улики. Кэт сделала вид, что не заметила.

Она замечала всё.

Машина ушла, оставив за собой вихрь снега, который продолжал заметать уставший город.

Глава 4. Он видел всё

В офисе Андрей не стал снимать пальто.

— Открывай.

Кэт вскрыла жёлтый конверт и вытряхнула содержимое на стол. Сложенные листы, две фотографии и тетрадный лист, исписанный мелким нервным почерком с наклоном влево. Почерком Громова.

Первой была копия дела. Потёртая, с печатями: «Уголовное дело № 87-12. Смерть Надежды Степановой».

Показания свидетелей, заключения экспертов, список улик. Всё стандартное, бездушное. На последней странице — приписка от руки:

«Дело закрыто. Убийцы найдены. Но не все. Слишком чисто. Слишком быстро. Кто-то замёл следы».

Кэт перевернула первый лист и замерла. В углу стоял штамп: «Копия выдана по заявлению потерпевшего Ф.А. Степанова».

— Андрей. Копию запрашивал Фёдор. Не Громов.

Андрей ничего не сказал. Он запомнил.

Второй лист был тоньше, без печати. «Гибель Веры Соболевой». Неофициальный отчёт. Громов не просто знал, что произошло. Громов это изучал.

— Это твоя жена, — сказала Кэт. В её голосе не было вопроса.

Андрей опустился на стул. С чёрно-белой фотографии на него смотрела Вера. Той самой улыбкой.

Он закрыл глаза. Она стояла у окна. В белом платье. Повернулась и улыбнулась ему.

Он открыл глаза. Фотография в его руке чуть дрогнула — бумага была тоньше, чем ей полагалось выдерживать.

Кэт видела его боль. Как мокрый снег. У снега не спрашивают, почему он падает.

— Ты в порядке?

— Да. Читай.

Кэт взяла тетрадный лист.

«Андрей.

Недавно ко мне пришёл человек. Сначала я его не узнал. Он сел, посмотрел на меня и улыбнулся. В его глазах не было ничего. Он сказал: «Вы ищете убийцу, Алексей. Я здесь».

Я думал — сумасшедший. Но он знал всё. Знал, что в тот вечер ты купил «Мерло». Что ты задержался у кассы на три минуты, потому что продавец долго возился с чеком. Что Вера открыла дверь, думая, что это ты. Что она не кричала.

Я спросил: зачем ты мне это говоришь? Он ответил: «Я хочу, чтобы вы знали. Доказательств вы всё равно не найдёте». И ушёл.

Записи камер в том магазине стёрты. За день до того, как я пришёл. Он знал, что я приду. Он знает, что я пишу это письмо. Поэтому главного я здесь не напишу.

Он всегда был рядом. И всегда был невидим. Он видел всё — каждую бумагу, каждый наш шаг. А мы его — нет.

Я не могу написать его имя. Не из-за себя. Из-за неё.

Я оставлю тебе ключ. Он укажет, где искать.

Ты должен вспомнить его лицо, Андрей. Ты его видел.

Если я не позвоню тебе сегодня — значит, он уже здесь. Прости. Я должен был сказать раньше».

Кэт перечитала дважды. Андрей стоял у окна, скрестив руки, и постукивал пальцами по локтю.

За стеной у соседей капал кран. Кэт поймала себя на том, что считает капли.

«Из-за неё», — повторила Кэт про себя. И ещё: «Я оставлю тебе ключ». Она запомнила обе фразы.

— Он не позвонил, — сказала она.

— Не позвонил.

— Ты знаешь, кого он имел в виду?

Андрей медленно покачал головой.

— Нет. Но он прав. Мы все его знали — я, Фёдор, Громов. Мы все его видели. И никто из нас его не заметил.

— Тогда придётся найти его раньше, чем он найдёт нас. И ключ.

Андрей повернулся к ней. Впервые за долгое время в его глазах был не холод.

Кэт отвела взгляд первой. Ей вдруг стало жарко — в пуховике, в натопленном офисе. Она сказала себе: батарея. Батарея у них и правда была старая.

— Нужно проверить всех, кто был в отделе в те годы. Всех, у кого был доступ к делам. И тех, кто ушёл — как мы. Как Громов. — Он помолчал. — Начни с Фёдора. Он был ближе всех к этому делу. И копию взял он.

Кэт кивнула и вышла.

Андрей остался у окна. Где-то в этом городе был человек, который видел его жену последним. Который держал в руках её жизнь и стоял у кассы, глядя на часы, пока Андрей выбирал вино.

Снег падал так, будто знал, что правду всё равно не спрятать.

Он

Ты сидишь в комнате без окон. Пыль ложится на вещи так же, как на тебя. Ровно. Тихо. Пыль никто не замечает.

Люди проходят мимо. Они смотрят на часы, на бумаги, на свои телефоны. Они не поднимают глаз.

Ты знаешь, кто где живёт. Кто во сколько возвращается домой. Кто какое вино покупает по пятницам. Люди думают, что бумага молчит. Бумага не молчит. Она просто говорит не со всеми, не с ними.

Однажды ты попросил. Один раз. Ты стоял у стола и ждал, пока на тебя посмотрят. На тебя не посмотрели.

Вещи на полках молчат. Они видели всё.

И ты тоже.

Глава 5. Автоответчик

Кэт остановилась в коридоре и прислонилась спиной к стене. Стена была холодной. Как всё в этом здании.

Коридор узкий, с высокими потолками и тусклым светом. Стены выцвели до цвета старой бумаги. В углу стоял стул с отломанной ножкой — словно ждал в очереди, когда его починят. Пахло пылью и одиночеством.

В голове звучала строчка Громова: «Он всегда был рядом. И всегда был невидим».

Она набрала номер. Фёдор ответил после второго гудка.

— Фёдор, это Кэт. Нам нужно поговорить. Без Андрея.

Пауза.

— Слушаю.

— Копию дела Надежды запрашивали по вашему заявлению. Я видела штамп. Вы наняли Громова. Вы продолжили расследование, хотя дело давно закрыли.

Фёдор молчал. В трубке потрескивали помехи. И ещё было слышно его дыхание. Страх, даже через телефон.

— Ты ошиблась.

— Нет. Я видела, как вы смотрели на фотографию в его кабинете. Будто впервые. Но вы её уже видели.

Щёлчок зажигалки. Долгая затяжка.

— Фотографию я ему дал, сам, — сказал Фёдор. — Чтобы помнил, ради кого копает.

— Зачем вы солгали Андрею?

— Я не хотел, чтобы правда всплыла, — выдавил он. — Я хотел знать. Для себя. Посмотреть ему в глаза. Больше ничего.

— Вы знаете, кто это?

Он долго молчал.

— Громов говорил: кто-то из наших. Кто знал все ходы. Кого мы не замечали. Кто всегда был рядом, но его будто не было. — Он помолчал. — Громов сказал: ищи в бумагах. Тот, кто всё знал, всё читал.

— Имя?

— Он не назвал. Говорил, сначала доказательства. Боялся ошибиться. Боялся, что его убьют. А я думал — старый параноик.

— Вы знали, что он в опасности. И ничего не сделали.

— Я боялся. — Голос его сломался. — Если правда выйдет наружу, мою дочь назовут не жертвой, а частью чего-то грязного. Она была чистой. Я не хотел, чтобы её имя втаптывали в грязь. И я боялся, что он придёт за мной.

— Вы его видели? Этого человека?

— Если Лёша прав — видел. Мы все видели. Каждый день. — Фёдор запнулся. — Один ко мне однажды подходил. Тихий такой… Неважно.

— Фёдор.

— Неважно, Кэт. Я не помню его лица. Я и тогда его не запомнил.

Кэт записала: «Свои. Бумаги. Подходил к Ф. — кто? когда? зачем?»

— Кэт, — сказал он, прежде чем она отключилась. Голос стал совсем тихим. — Вы думаете, я трус. Но она была хорошей. Она была лучше, чем я.

— Я знаю.

Она подошла к окну. На подоконнике стоял чей-то забытый стакан с чайной ложечкой. Ложечка тихо звякнула о стекло, хотя никто её не трогал. Где-то внизу проехал грузовик.

— Свои, — прошептала Кэт. — Он был среди своих всё это время.

Когда она вошла, Андрей стоял у окна и курил. Одним движением он выбросил сигарету в форточку.

— Ты звонила Фёдору.

Кэт не удивилась.

— Он нанял Громова. Фотографию Надежды тоже дал он.

— Я знал, что он что-то скрывает.

— Он боялся, что правда опозорит Надежду.

— Но не боялся, что убийца убьёт ещё кого-то.

Кэт посмотрела на свои руки.

— Кто-то из своих, — сказала она. — Знал все дела. Читал все бумаги. И ещё. Фёдор сказал, что этот человек однажды к нему подходил. И тут же сказал: «Неважно».

Андрей положил ладонь на стол. Ровно, как кладут на улику, которую боятся сдвинуть.

— Значит, нужны списки. Всех, кто работал в отделе в те годы. — Он помолчал. — Я знаю, у кого попросить.

Он посмотрел на карту над столом. На здание отдела, обведённое карандашом. И опять не вспомнил, зачем его обвёл.

* * *

Дома Кэт не стала включать свет.

Квартира была маленькая, съёмная, третья за пять лет. Она нигде не задерживалась. Вещей у неё было столько, сколько помещается в два чемодана и одну коробку. В коробке ехала машинка.

Мамина пишущая машинка стояла на шкафу. Серая, тяжёлая, с потёртой надписью «Ятрань». Каждое воскресенье Кэт снимала её со шкафа, вытирала пыль и все оставляла на своих местах. Смена мест не приветствовалась. Лист бумаги так и торчал из каретки — пожелтевший, пустой. Мама вставила его в последний вечер и не успела напечатать ни буквы.

Мама работала машинисткой в отделе. Двенадцать лет. Печатала протоколы, рапорты, постановления. Говорила: «Я, Катька, знаю про этот город больше, чем все их генералы. Только мне за это не платят». И смеялась.

По вечерам она печатала и дома. Эта привычка теперь была и у Кэт. Маленькая Кэт засыпала под мамин стук. Он был похож на дождь по подоконнику, только ровнее. Буква «ё» западала, и мама каждый раз била по ней два раза. Кэт научилась различать этот двойной удар во сне.

Из кухни вышел Мотя — полосатый, тяжёлый, с выражением глубокого упрёка на морде и буквой «М» на лбу — отчего казался ещё более недовольным. Посмотрел на неё, запрыгнул на кровать.

Она села рядом, не снимая куртки, и достала телефон. Мотя ткнулся лбом ей в локоть и включил свой «тракторенок».

Номер был записан просто: «Мама». Семнадцать лет Кэт платила за него. Каждый месяц, небольшие деньги. Она боялась одного: что номер отдадут кому-то другому, и однажды на её звонок ответит чужой голос.

Она нажала вызов.

Гудков не было. Сразу щёлчок. И голос — молодой, весёлый, чуть запыхавшийся:

«Это Люба. Я не могу подойти, я, наверное, пеку. Оставьте сообщение, я перезвоню».

Сигнал.

— Мам, — сказала Кэт. — Это я.

Она помолчала. В темноте было слышно, как в батарее булькает вода.

— У нас новое дело. Девочка, девятнадцать лет. Ограбление. Закрыли за две недели. Как у тебя.

Она провела большим пальцем по краю значка в кармане. Край был гладкий, отполированный её же пальцем за семнадцать лет.

— Я сегодня нашла конверт. Сама. Андрей сказал: «А ты растёшь». Ты бы смеялась. Ты бы сказала, что я всегда росла не туда.

Автоответчик давал две минуты. Мама говорила: успевай до сигнала. Что не успела — то не важно.

— Я его найду, мам, — сказала Кэт. — Не этого. Того.

Она отключилась за секунду до второго сигнала. Она всегда успевала. Она обняла Мотю и поцеловала его в нос.

— Ты у меня славный, — и она ещё раз чмокнула его в мокрый розовый нос.

Потом она легла, не раздеваясь, лицом к шкафу. Мотя улёгся у неё в ногах. Мягкий, тёплый и пушистый. Машинка была тёмным пятном на тёмном. Кэт смотрела на неё, пока не уснула.

Во сне кто-то печатал. Ровно. Два удара на букву «ё».

Он

Ты узнал об этом утром.

Ты положил трубку и сел на пол. Прямо там, где стоял. Пол был холодный. Ты этого не почувствовал.

К вечеру у тебя поднялась температура. Тридцать девять. Ты не стал её сбивать. Лежал в комнате, укрытый одеялом, и жар ходил по тебе волнами, как вода в закрытой банке. Ты не ел. Не пил.

Смотрел в потолок и считал трещины. Их было девять. Ты сбивался и начинал сначала. Потом проваливался в сон.

Ты не пошёл на похороны.

На четвёртый день жар спал. Ты встал, умылся, надел пальто. В зеркале отразился человек, которого ты знал. Ты посмотрел на его руки. Руки не дрожали.

Ты вышел на улицу. Шёл снег. Рано. Первый. Ты постоял под ним, запрокинув голову, и снег ложился тебе на лицо и таял.

Ты думал: вот и всё. Больше некого терять.

Теперь можно.

Ты вернулся домой и сел за стол. Достал лист бумаги. Ручку. И стал писать.

Ровно. По краю. Сверху вниз.

Глава 6. Пятница

Андрей приехал домой в одиннадцать. Как всегда.

Он не жил здесь почти шесть лет. Он здесь бывал. Час в сутки, иногда меньше. Спал он в конторе, на синем кресле, укрывшись пальто. Елена Сергеевна делала вид, что не знает. Он делал вид, что она не знает.

Подъезд был тот же. Та же лампочка на третьем этаже, которая мигала-подмигивала. Та же дверь. Он открыл её и, как каждый вечер, на секунду остановился на пороге.

Здесь она открыла, думая, что это он.

Он перешагнул порог.

В квартире ничего не изменилось. Он ничего не трогал. Её халат висел в ванной. Книга лежала на подлокотнике дивана, раскрытая на сто сорок второй странице, корешком вверх. Вера всегда так клала книги, и он всегда ругался, что она ломает переплёт. Теперь переплёт ломался сам, медленно, шесть лет.

Он не включил верхний свет, только лампу над аквариумом.

Вода засветилась зелёным. И из-за камня, лениво, как хозяйка, которая не торопится к гостю, покачивая бочками, выплыла рыбка.

Золотая. Не та, что выполняет желания, а обычная, с базара. Оранжевая, с белым хвостом, длинным и прозрачным, как фата. Вуалехвост, сказал тогда продавец. Вера засмеялась: «Невеста».

Она купила её в пятницу. За две недели до. Принесла домой в полиэтиленовом пакете, держа его обеими руками перед собой, как торт.

— Её зовут Пятница, — сказала она.

— Почему Пятница?

— Потому что в пятницу всё хорошее. Ты приходишь рано. Мы пьём вино. — Она поставила пакет на стол и посмотрела на рыбку через полиэтилен. — Пусть у нас каждый день будет пятница. Правда, невеста?

Через две недели была пятница. Он купил «Мерло».

После похорон не приходил сюда три дня. Он не мог. Его тошнило, при одной мысли о доме. Перешагнуть порог. Он сидел в конторе и смотрел в стену. Теперь он стал рыбкой, которую выбросило на берег моря. Без воды. Без воздуха.

Гена Лобов приносил ему еду из столовой «У Зины», и он её не ел. На четвёртый день он приехал, чтобы забрать документы. Только документы. Взять и уйти.

Вода в аквариуме была мутной. Пятница плавала у самой поверхности, боком, едва шевеля плавниками. Хватала ртом воздух.

Он стоял над ней и думал: пусть. Пусть всё здесь умрёт. Пусть ничего не останется.

А потом увидел на полке банку с кормом. На крышке — бумажка, Вериным почерком: «Три щепотки. Не больше! Она жадная, как ты».

Он открыл банку. Насыпал три щепотки.

Пятница метнулась к корму. Она знала, что он придёт. Она в это верила. Жадно хватая еду, она смотрела на него большими глазами.

На следующий день он приехал снова, потому что воду надо было менять. Потом — потому что корм кончался, и пришлось ехать на рынок. И продавщица Зоя, полная, в вязаной шапке, с красными руками, спросила: «Вуалехвосту? А что берёте, хлопья или гранулы?» — а он не знал. Она объясняла ему десять минут и это были первые десять минут за две недели, когда с ним говорили не о смерти. Когда можно было дышать и иногда улыбаться на шутки Зои. Когда с его горла сняли жгут, который душил его уже несколько месяцев.

Потом он приезжал, потому что приезжал.

Все шесть лет. В одиннадцать вечера.

Зоя на рынке теперь спрашивала: «Как там ваша невеста?» Он отвечал: «Жадничает и толстеет». Она смеялась. Это был единственный человек в городе, который не знал, что у него умерла жена. Он берёг это, как берегут последнюю спичку. Он брал корма немного, чтобы встреча с Зоей была раньше. Чтобы ещё раз глотнуть свежий воздух.

Он не спас Веру. Ему пришлось спасать её рыбку. Иногда ему казалось, что это рыбка спасала его.

Андрей сел на подоконник рядом с аквариумом. Достал из кармана тетрадный лист Громова. Он не должен был уносить его из конторы, с места преступления, но унёс.

«Знал, что в тот вечер ты купил «Мерло». Что ты задержался у кассы на три минуты».

Он открыл банку и насыпал три щепотки. Пятница вынырнула и стала жадно хватать корм, по одной крошке, как будто каждая была последней.

— Он знал про вино, — сказал Андрей рыбке. — Он стоял где-то и смотрел. А я стоял и выбирал. Красное или… Я всегда брал одно и то же. Зачем я выбирал?

Пятница доела и подплыла к стеклу. Остановилась напротив его лица. Рыбы не моргают. Она смотрела на него круглым тёмным глазом и чуть шевелила белым хвостом.

Он приложил палец к стеклу. Она ткнулась в него носом с той стороны. Так она делала всегда. Так она делала с Верой.

— Ты тоже его видела, — сказал он тихо. — Ты была здесь.

Рыбка не ответила. Рыбы не отвечают. Рыбы не закрывают глаз.

Она одна в этом доме видела всё. И молчала.

В час ночи он выключил лампу. Постоял в темноте. Аквариум ещё светился слабым, остаточным светом, как экран выключенного телевизора.

— Завтра, — сказал он.

Закрыл дверь и проверил замок. Дважды. Потом ещё раз.

Глава 7. Надо снизу

Двадцать один год назад.

Андрею было двадцать четыре. Он полгода как пришёл в отдел и всё ещё носил галстук, который мама подарила на выпуск. Галстук был синий, в мелкую точку. Фёдор называл его «горошек» и смеялся.

Фёдор тогда ещё капитан с чёрными усами и громким голосом. Он учил Андрея всему: как писать рапорт, чтобы его не вернули, как разговаривать со свидетелем, чтобы тот не замолчал, как пить чай из гранёного стакана, не обжигая пальцев.

В тот понедельник Фёдор пришёл не один.

Девочка лет пяти держалась за его мизинец. Красная куртка, шапка с ушами, сапожки в грязи по щиколотку. Она смотрела на коридор следственного отдела так, как смотрят на зоопарк.

— Это кто? — спросил Андрей.

— Наденька, — сказал Фёдор. — Надежда Фёдоровна.

Голос у него был не громкий. Совсем не громкий.

Он рассказал в курилке, быстро, глядя в пол. Валю увезли в больницу в пятницу. Что-то по-женски, плохое, оперировали. Матери у Фёдора нет, у Вали — в деревне, за триста километров. В садик Надю не берут: очередь, мест нет, приходите в сентябре. Он ходил к заведующей. Ходил в районо. Ему везде сказали одно: в сентябре.

— А до сентября мне что, её в сейф запирать? Или с собой на вызовы таскать? То-то будет дело.

Андрей не знал, что ответить.

Наденьку посадили в кабинете Фёдора, за его столом. Дали бумагу и цветные карандаши, которые нашлись в столе у секретарши. Надя нарисовала дом, солнце и милиционера с усами. Милиционер был выше дома.

В одиннадцать Фёдора вызвали на выезд. Труп на Заречной. Ехать нужно было сейчас.

Он стоял в дверях и смотрел на дочь. Потом на Андрея.

— Андрюха.

— Езжай, — сказал Андрей. — Я посижу.

— У тебя допрос в два.

— Перенесу. Разберусь.

Фёдор ещё секунду постоял. Покрутил пуговицу на рубашке. Потом кивнул и ушёл. Шаги по лестнице — быстрые, через две ступеньки.

Андрей сел напротив Нади. Он не знал, как разговаривать с детьми. У него не было младших братьев и сестёр. Он даже не помнил себя в пять лет.

— Ты кто? — спросила Надя.

— Андрей.

Она уверенно протянула ему ручку.

— Надюша.

Он пожал ей в ответ. Ладошка утонула в его руке.

— Ты милиционер?

— Следователь.

— Это хуже или мало? Или больше?

Он подумал.

— Не знаю.

Надя задумалась и, видимо, осталась довольна ответом. Вернулась к рисунку.

Они просидели вместе пять часов. Он сводил её в столовую и купил ей компот и булочку с маком. Мак она выковыривала и складывала горкой на салфетку. Он показал ей, как снимают отпечатки пальцев, — на листке, чернилами из штемпельной подушки. Наденька сняла отпечатки у себя, у Андрея, у дежурного и у полосатого кота, который жил во дворе отдела и иногда заходил погреться. Кот был похож на бандита. У кота снять не получилось. Сбежал. Надюша очень расстроилась.

Потом Андрей писал справку и уронил ручку. Ручка укатилась под шкаф. Он встал, посмотрел на пол, не увидел и сел обратно, искать другую.

Надя слезла со стула, легла на живот и через секунду вытащила ручку из-под шкафа. Вместе со старой пылью и скрепкой.

— Вот.

— Как ты её нашла? Я смотрел.

— Ты сверху смотришь, — сказала Надя. — А надо снизу. Сверху ничего не видно.

Он засмеялся, а она — нет. Она сказала это серьёзно.

Вечером, когда стемнело, она подошла к окну. Во дворе отдела рос клён, старый, корявый. Листья почти облетели.

— Можно я выйду?

Он вывел её во двор. Она ходила под клёном долго, наклонялась, выбирала. Брала лист, смотрела на свет, отбрасывала. Брала другой.

Наконец принесла ему один. Жёлтый, большой, с красным краем.

— Это тебе.

— Зачем?

— Он красивый, — объяснила Надя терпеливо, как объясняют взрослым очевидное. — Ты что не понимаешь? Жёлтый, самый лучший. Посмотри. И вот тут. Краешки.

Андрей посмотрел. Лист и правда был красивый.

Он положил его в папку с делом. Потом забыл. Потом нашёл через год, когда сдавал дело в архив, — сухой, плоский, прозрачный на свет. Подумал, что надо выбросить, но оставил.

Фёдор вернулся в восемь. Грязный, мокрый, с серым лицом. Надя спала на двух стульях, укрытая Андреевым пиджаком. Галстук в горошек висел на спинке.

— Ну как?

— Нормально. Она умная у тебя.

— Умная, — сказал Фёдор. — В мать.

Он поднял её на руки, не разбудив. Она что-то пробормотала и уткнулась ему в шею.

Через три дня у Нади было место в детском саду номер семнадцать.

Андрей никому не сказал, как. Заведующей семнадцатым садом была мама Лиды Мироновой — той, что сидела в соседнем кабинете и курила незажжённые сигареты. Андрей попросил Лиду. Лида позвонила маме. Мама сказала: пусть приводят в понедельник, что-нибудь придумаем.

Фёдор всё равно узнал. Пришёл к Андрею в кабинет, закрыл дверь и долго стоял молча, крутя пуговицу на пиджаке.

— Я тебе должен, Андрюха.

— Ничего ты мне не должен.

— Должен, — сказал Фёдор. — Я такое не забываю.

Он достал бутылку коньяка из-за пазухи. Они проговорили до утра, а потом заснули за столом.

Фёдор не забыл. Андрей забыл. Лист пролежал в старой папке много лет, а папка — на антресолях, пока её не выбросила Вера во время ремонта. Андрей тогда даже не спросил, что в ней было.

Он вспомнил про лист только сейчас. Спустя двадцать один год. В машине, в час ночи, на пустом перекрёстке, где светофор мигал жёлтым, и никто никуда не ехал. Снег шёл, засыпая всё, что когда-то было жёлтым.

Глава 8. Пуговица в кулаке

На следующее утро снег стал другим. Он больше не падал тяжело и мокро, а ложился медленно, почти невесомо, будто не хотел никуда падать. Кружился в воздухе, не решаясь коснуться земли. Город под ним замер.

Кэт сидела в кресле у Андрея, поджав ноги. Кружку с кофе она не пила. Кофе давно остыл.

Перед ней лежала папка Громова. Кэт перечитывала записку, шевеля губами. Останавливалась на одних и тех же словах. «Из-за неё». «Невидим». «Ты его видел».

Обычно она приходила рано, когда дело было интересным. Сегодня дело было не интересным. Сегодня оно было страшным.

Андрей стоял у окна. Он почти не спал — это было видно по запавшим глазам и по тому, как он держал сигарету и не затягивался. Будто забыл, зачем она нужна.

— Ты не спал?

— Спал. Но это был не сон.

Кэт встала, забрала у него сигарету, затушила и сунула ему в руки свою кружку. Кофе в ней остыл, но кружка ещё держала тепло её ладоней. Он взял. Пальцы на секунду легли на её пальцы. Никто из них не убрал руку первым.

Телефон зазвонил в семь. Резко, как удар в гонг. Кэт сняла трубку.

— Это дежурный из «Зимнего сада». — Мужской голос, хриплый, испуганный. — У нас опять… опять труп.

— Кто?

— Это… он… из бара. Никита Круглов. Бармен. В той же комнате.

Через двадцать минут они стояли в коридоре клуба. Одна лампа мерцала, казалось, что ей тоже надоело то, что здесь происходит.

У двери кабинета Громова жались друг к другу сотрудники: охранник, повар в белом фартуке, официантка.

— Никто ничего не видел, — пожал плечами охранник. — И не слышал.

— Два года у нас работал, — сказала официантка. — Весёлый был…

На двери висела бумажная полоса с печатью Трофимова. Вернее, полоса держалась одним концом. Второй свисал вниз, как оторванный язык.

— Кто сорвал печать? — спросил Андрей.

Все переглянулись.

— Так она уже… того… этого… когда пришли, — сказал охранник.

Андрей вошёл.

На том же месте, где вчера лежал Громов, лежал Никита Круглов. Молодой, лет двадцати пяти. Светлые волосы слиплись от крови, а кровь растекалась по ковру и уже темнела. Открытые глаза смотрели туда, откуда не возвращаются.

Кэт обратила внимание на его руку. Сжатую, в неестественном положении. Она протянула пальцы и коснулась запястья.

Кожа была ещё тёплой, как будто он спал. Как будто мог проснуться. Как будто ждал её, чтобы сказать что-то важное.

В кулаке у него была пуговица. Чёрная, с золотым орнаментом. На ладони уже проступили вмятины от её края — он крепко сжимал её в момент смерти.

Андрей присел рядом, не касаясь тела. Пуговица блеснула в тусклом свете, и внутри у него что-то шевельнулось. Смутное. Почти забытое. Он уже видел такую, но не помнил где.

— Андрей, — тихо сказала Кэт. — Он ещё тёплый. Он мёртв не больше часа.

— Трофимову сообщили?

Люди в дверях переглянулись и помотали головами.

Андрей сам набрал номер. Потом медленно поднялся. Его скулы заострились, губы сжались в линию.

— Убийца был здесь недавно. Он мог быть здесь, когда мы вошли.

Он велел перекрыть выходы. Охранник сказал, что за последний час никто не выходил. Значит, убийца либо ещё здесь, либо ушёл через чёрный ход до их приезда.

— Мы могли его застать, — сказал Андрей.

Кэт отдёрнула руку. Пальцы ещё помнили тепло чужой кожи.

— Он знал, что мы придём.

— Или хотел, чтобы мы его увидели. Он здесь. И он смотрит.

Фёдор стоял в коридоре, прислонившись к стене. Лицо серое, волосы взъерошены. Он смотрел на дверь кабинета и не видел её.

— Тот же почерк, — сказал Андрей.

Фёдор закрыл глаза.

— Я должен был это предвидеть. Я знал, что он не остановится.

— Ты знал, что Никита в опасности?

Пальцы Фёдора нашли пуговицу на сером пиджаке. Расстегнуть. Застегнуть.

— Я знал, что он боится. Он говорил, что за ним кто-то ходит. Человек в чёрном пальто. Я решил — показалось.

— Не показалось.

— Нет. Не показалось.

— Что ещё он говорил?

Пуговица. Расстегнуть. Застегнуть.

— Что этот человек стоял у входа. Смотрел на него. Один раз подошёл к стойке и спросил, как пройти к Громову. Никита сказал, что Громов уехал. Тот ничего не ответил и ушёл. Он знал, куда идти.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Высокий. В чёрном пальто.

Кэт смотрела не на Фёдора. Она смотрела на его руки. Оба тела нашёл он. Ключи — у него. Копию дела взял он. И пальцы его ни секунды не могли оставить пуговицу в покое.

Она ничего не сказала. Она запомнила.

Трофимов приехал через полчаса. Он не поздоровался. Он посмотрел на сорванную печать, на тело, на Андрея.

— Я тебя предупреждал, Соболев.

— Предупреждали.

— Два трупа. В одной комнате. С моей печатью на двери. — Он говорил тихо, и это было хуже крика. — Мой эксперт говорит, вчера твоя рыжая лазила в шкаф. Если она что-то оттуда вынесла, у тебя сутки. Через сутки я приду в твою контору сам и уйду с ключами от неё.

Он развернулся и пошёл к лестнице, на ходу раздавая команды.

Кэт посмотрела на Андрея. Андрей смотрел на пуговицу в руке мёртвого бармена.

— Сутки, — сказала она.

— Значит, у нас есть сутки, — ответил он.

Он

Ты помнишь её глаза.

Ты ждал страха. Ты сто раз видел страх — в протоколах, на фотографиях, в показаниях. Ты знал, как он выглядит. Ты пришёл за ним.

А она посмотрела на тебя и пожалела.

Как жалеют мокрую собаку. Как жалеют мальчика, которого никто не забрал из школы.

Пряжка холодила живот. Ты ударил первым, потому что её жалость нельзя было вынести. Её нужно было остановить.

Потом шёл дождь. Ты стоял за деревом и смотрел, как отец держит её руку. Он плакал без звука. Ты запомнил, как это выглядит.

Лист упал ей в ладонь. Даже он её выбрал, а не тебя.

Глава 9. Смотри на руки

Когда фотограф закончил, они вышли на крыльцо. Андрей достал пачку, постучал по ней и не закурил.

— Пользы от них никакой, но ты хотя бы спокойнее, — сказала Кэт, дуя на замёрзшие пальцы.

Он смотрел, как снег садится ему на рукав, тает и оставляет тёмные пятна на чёрном сукне.

— Громов, теперь Никита, — сказал он. — Оба знали убийцу. Оба его ждали. И никто ничего не видел. Так не бывает.

— Значит, надо говорить с теми, кто был рядом.

Кабинет Фёдора был на том же этаже, в другом конце коридора. Он не был похож на кабинет Громова. Ни бархата, ни дорогого ковра. Светло-серые стены без единой картины. Только расписание дежурств на кнопке у двери. Тёмно-синий ковёр, вытертый там, где чаще всего ходили. Массивный деревянный стол, аккуратная стопка папок, старый письменный прибор. Кружка с остывшим чаем, которую никто не убрал.

Кэт присела на диван, обитый тёмно-зелёной тканью. Пружины скрипнули уставшим стоном. У спинки лежала клетчатая подушка со следами чужого сна.

Фёдор стоял у шкафа и теребил пуговицу на пиджаке. Пуговица уже готова была сбежать. Как и он сам.

— Я собрал всех, кто был в эти дни. Сказал — внутренний аудит безопасности. Некоторые уже нервничают.

— Это беседа, не допрос, — сказал Андрей и сел за стол Фёдора. — Но кто откажется, того я передам Трофимову.

— Кто первый?

— Григорий Иванович, — сказала Кэт. — Он знает этот клуб лучше всех.

Григорий Иванович сел на стул так, чтобы тот не скрипнул. Ему было за шестьдесят, держался он прямо, но руки, сжимавшие клетчатый платок, его выдавали. Смотрел в пол, но было видно: он видит и слышит всё.

— Григорий Иванович, вы здесь давно, — начал Андрей. — Что вы видели в день смерти Громова и сегодня утром?

— Громов был закрытым человеком. С персоналом почти не говорил, а в последние дни стал нервным. Оглядывался. Дверь по три раза проверял.

— Боялся кого-то? — спросила Кэт.

Платок в его пальцах скрутился жгутом.

— За два дня до смерти к нему у стойки подошёл человек. Чёрное пальто, шляпа, воротник поднят. Они сказали друг другу несколько слов. Громов побледнел. Тот ушёл.

— Лицо видели?

— Нет. — Григорий Иванович помолчал. — Но вот что странно. Он был в перчатках. В помещении. А у стойки снял одну — расписаться, что ли, или деньги достать. И сразу руку в карман. Быстро так. Будто там что-то было, на руке. Чего показывать нельзя.

Андрей записал: «Перчатки. Прячет руку».

— Ещё что-нибудь?

— На выходе он споткнулся о ковёр. Не упал, качнулся. И я увидел ботинки. Рыжая глина. Такая только в старом парке. Я ещё подумал: кто туда ходит в такой снег?

— Вы видели его и у Никиты?

— Видел. Та же походка. Он не оглядывается никогда. — Григорий Иванович поднялся, не дожидаясь следующего вопроса. У двери остановился. — Когда он проходил мимо стойки, он посмотрел на Никиту. Не в лицо. На руки. Будто проверял, не дрожат ли.

Он вышел, не оглядываясь.

Ольга Нечаева села на край стула. Ей было лет двадцать пять. Глаза опухшие, в пальцах — бумажный платочек, который был похож на промокашку.

— Я не хочу, чтобы меня… — она не договорила. — Вы понимаете.

— Здесь ты в безопасности, — сказал Андрей. — Что ты видела?

— Да ничего я… Я чай ему носила, Громову. Он всё замок дёргал. А один раз спросил: «Ты видела кого-нибудь в чёрном пальто?» Я говорю — нет. Он говорит: «Хорошо. И не говори никому, что я спрашивал». Ну я и не… Я думала, он просто не в себе.

— А Никита? — мягко спросила Кэт.

Ольга сглотнула.

— На кухне. Он кофе себе наливал. И вдруг встал вот так, посмотрел на меня и говорит: «Если со мной что-нибудь… передай Андрею Соболеву: Громов был прав». Я говорю: в чём прав? А он улыбнулся. Странно так. «Неважно. Просто передай. Он поймет». И ушёл.

— Он знал меня? — спросил Андрей.

— Нет. Он сказал — вы придёте. Громов ему сказал, что, если что, придёте вы.

Андрей и Кэт переглянулись.

— Он говорил про человека в пальто?

— Говорил, что за ним ходят. Что не спит. А кто — не говорил. Только один раз, уже так, между делом… «Если хочешь правду, не смотри на лица. Смотри на руки. Руки не врут». — Она подняла на Андрея мокрые глаза. — Это же что-то значит? Да? Что-то же значит? Надо было сразу кому-нибудь рассказать, да?

Андрей посмотрел на её руки. Платочек в них превратился в мокрый комок.

— Да, — сказал он.

Уборщицу, Анну Григорьевну, они не дождались. Кэт нашла её сама, уже в коридоре, у лестницы. Вернее, Анна Григорьевна нашла Кэт. Догнала, тронула за рукав и сразу отпустила, будто обожглась.

Ей было за пятьдесят. Седые, некрашеные волосы, уставшие глаза. В руках швабра, которую она притащила с собой, забыв поставить на место.

— Я туда не пойду, — сказала она тихо, кивнув на кабинет Фёдора. — Там он.

— Кто?

— Фёдор Аркадьевич.

Она оглянулась на пустой коридор.

— Я полы мыла в тот день. Повар попросил — на чёрной лестнице кто-то наследил. Рыжей глиной. Грязи было — и первый этаж, и второй, до самого кабинета Громова. А один след… — она понизила голос, — у двери Фёдора Аркадьевича. Прямо у порога. Я ещё ругалась про себя: кто так наследил, ноги надо отряхивать и вытирать. А они… эх.

— Только один?

— Один. Я протёрла. — Она посмотрела на швабру, будто та была виновата. — Вы не говорите ему, что это я.

И ушла по коридору, оставляя за собой запах воска и мокрой тряпки. Даже снег за окном был громче неё.

Кэт вернулась в кабинет. Фёдора там уже не было. Андрей стоял у окна и смотрел во двор.

— След у двери Фёдора, — сказала Кэт. — Ключи у Фёдора. Оба тела нашёл Фёдор. Копию дела взял Фёдор. Он солгал тебе про фотографию. И у него пуговицы…

— Пуговицы у него серые, — сказал Андрей, не оборачиваясь. — Пластиковые.

— Ты его проверял.

— Я на него смотрел. — Андрей помолчал. — След — не подпись, Кэт. След может оставить любой, кто знает, у какой двери его оставить.

— А если это всё-таки он?

Андрей смотрел во двор. Снег там лежал ровный, будто по нему никто никогда не ходил. Но кто-то ходил. Кто-то всегда ходил.

Он

Дверь открывается не та. Сюда не ходят просто так.

Женщина. Светлые волосы. Зелёные глаза. Она ищет мужа. Он забыл дома папку, а у неё как раз выходной, и она подумала: занесу. Она путается в коридорах и смеётся над собой.

Ты показываешь ей дорогу. Просто показываешь дорогу.

— Вы очень добрый, — говорит она на прощание.

Ты кладёшь это слово в карман, как чужую монету. Оно тяжёлое. Ты будешь носить его долго.

Никто никогда не говорил тебе этого слова. Ты не знаешь, что с ним делать. Ты только знаешь, что теперь она будет говорить его другому. Каждый вечер.

Ты записываешь её адрес. Он есть в бумагах. Бумага не молчит.

Глава 10. Студент

Никита.

Его звали Студентом. Это Никита придумал. Не вслух, про себя.

Он приходил по вторникам и четвергам, всегда в одно время. Садился в самый конец стойки, где свет от лампы не доставал, и заказывал чай с лимоном. В баре «Зимнего сада» чай с лимоном никто не заказывал. Никита держал его для Студента — отдельную пачку, на верхней полке, за ромом.

Студент читал. Книги были толстые, в старых переплётах, будто из библиотеки, куда давно никто не ходит. Он не поднимал головы, пока Никита не ставил перед ним чашку. Тогда тот говорил «спасибо». Тихо, не глядя.

Сколько ему лет, Никита сказать бы не смог. Может, двадцать пять, может, тридцать. Лицо было из тех, что смотришь — и тут же забываешь. Перчатки он не снимал, даже за чаем. Никита сначала думал — брезгует. Потом привык.

Чаевые он оставлял такие, что Никита первое время бегал за ним до гардероба: вы ошиблись. Студент не ошибался.

— Купи матери что-нибудь, — сказал он однажды.

Никита застыл с полотенцем в руке. Он никому в клубе не говорил про мать. Про её почки, про диализ три раза в неделю, про то, сколько стоит одна неделя.

— Откуда вы знаете про..?

— Ты разговариваешь по телефону в подсобке. Там тонкая стена. — Студент перевернул страницу. — Я не подслушивал. Просто стена тонкая.

Через неделю он положил на стойку конверт.

— Это много, — сказал Никита, не открывая. Он видел толщину.

— Вернёшь, когда сможешь.

— А… а… а если не смогу?

Студент впервые поднял на него глаза. Обычные глаза. Серые, кажется. Никита потом не мог вспомнить цвет.

— Сможешь. Ты честный. Честные всегда возвращают.

Мать прожила ещё год. Хороший год. Счастливый год. Никита возил её на дачу, и она сажала помидоры, и ругала его, что он неправильно подвязывает. Он отдал Студенту половину. Студент взял, не пересчитывая, и больше о долге не говорил.

Зато стал спрашивать.

Сначала — ерунду. Во сколько закрывается касса. Кто снимает выручку — Фёдор или сам хозяин. Никита отвечал. Это же ерунда.

Потом — про Громова. Когда тот задерживается. Кто к нему поднимается по вечерам. Одна ли поднимается жена хозяина.

— Вам зачем? — спросил Никита.

— Есть люди, которым это интересно, — сказал Студент. — Ты же знаешь, кто здесь хозяин. Хозяин любит знать, что у него в доме.

Никита знал, кто хозяин. Виктора Павловича он видел три раза за два года, и все три раза у него потели ладони. Если Виктор Павлович хочет знать, кто поднимается к Громову, — пусть знает. Не Никитино это дело.

Он рассказывал. Студент слушал, пил чай, оставлял чаевые.

Один раз, в декабре, Студент расплачивался, и перчатка зацепилась за край стойки. Съехала всего на секунду. Студент тут же натянул её обратно — быстро, привычно, левой, потом правой.

Никита увидел его руку. Только руку. Секунду.

Он ничего не сказал. Студент ничего не сказал, но с того вечера Никита стал смотреть людям на руки. Всем. Гостям, официанткам, охране. Он не знал, что ищет. Он просто смотрел.

— Руки не врут, — сказал он как-то Ольге. Она засмеялась. Подумала, что он шутит.

А в январе Громов спустился в бар. Сам. Он никогда не спускался в бар.

Он был бледный. Не от света — от чего-то внутри. Сел на табурет, на котором обычно сидел Студент, и Никите стало от этого не по себе, хотя был понедельник и Студента не было.

— Налей мне, Никита, чего-нибудь.

Никита налил коньяку. Громов не выпил. Поставил рюмку и положил рядом ключ — старый, потёртый, с латунным номерком.

— Это для Соболева. Андрея Соболева. Если что.

— Если что — что? — спросил Никита.

Громов посмотрел на него так, как смотрят на ребёнка, которого не хотят пугать.

— Ты поймёшь. Если что — поймёшь. — Он встал. — И не говори никому. Даже Фёдору.

Никита убрал ключ в карман фартука. Весь вечер ключ лежал там и тянул вниз, как будто весил килограмм.

Во вторник пришёл Студент. Сел в конце стойки. Открыл книгу. Никита поставил перед ним чай с лимоном, и руки у него дрожали так, что ложка звякнула о блюдце.

— Что-то случилось? — спросил Студент.

— Нееее. Всё нормально.

— Громов к тебе спускался?

Никита вытер стойку, которая и так была чистой.

— Нет.

Студент перевернул страницу и вернулся к книге. Он больше ни о чём не спросил. Это было страшнее, чем если бы спросил.

Вечером Никита отдал ключ Игорю. В подсобке, быстро, не глядя в глаза.

— Пусть у тебя полежит. У тебя целее будет.

— Это что?

— Не знаю. Правда не знаю. Просто пусть полежит.

Игорь пожал плечами и сунул ключ в карман. Он ничего не боялся. Тогда ещё не боялся. Рано.

Никита вышел на улицу и долго стоял под снегом без шапки. Он думал про мать, про помидоры, про конверт. Про то, что честные всегда возвращают.

Он не знал, что Студент тоже стоит на улице. По ту сторону дороги. И смотрит, как падает снег.

Глава 11. Значок

Последним был Игорь Соловьёв, администратор. Его привёл Фёдор и сразу ушёл. Высокий, худой, с нервными руками. Он сел и скрестил руки на груди. Пальцы стучали по локтю. Он смотрел с вызовом — но не в глаза. На окно, на дверь, куда угодно.

— Я знаю, что вы думаете, — начал он. — Я Громова не любил. Но я его не убивал.

— Я не говорю, что убивали. Я спрашиваю, что вы видели.

— Последнее время он всего боялся.

— Тогда почему он спрашивал Ольгу про человека в чёрном пальто?

Игорь замер. Рука сама потянулась к воротнику рубашки. Поправила. Поправила ещё раз.

— Понятия не имею.

Он сунул руку в карман. Ключ. Отдать? Оставить? Потом.

— Вы были в клубе в тот вечер?

— Ушёл рано. Могу доказать.

— Проверю. А Никита? Вы знали, что он кого-то боится?

— Я не знал Никиту.

— Вы работали вместе два года. Он бармен, вы администратор.

Игорь молчал. Пальцы теребили воротник. На воротнике не хватало пуговицы.

— Что у вас с воротником? — спросила Кэт.

Он побелел.

— Оторвалась. Потерял. День назад, два — какая разница? — Он вскочил. — Я ничего не знаю! Я никого не убивал! Есть что предъявить — арестуйте. Нет — оставьте меня в покое.

Он вышел, хлопнув дверью так, что вздрогнули стёкла в шкафу.

— Он не убивал, — сказала Кэт. — Но он что-то знает.

— Он потерял пуговицу, — сказал Андрей. — Может быть, в кабинете Громова. Проверь-ка его алиби. Да и пуговицу.

Андрей вышел на улицу и прислонился к стене. Слишком много совпадений. Слишком много лжи.

Дверь открылась, и вышла Кэт. Подняла воротник куртки, подошла и подышала на пальцы.

— Холодно. И внутри, и снаружи.

Андрей смотрел на снег.

— Андрей. Я хочу тебе кое-что сказать. Не потому, что должна. Потому, что ты должен знать. — Она помолчала. — Никита держал пуговицу так, как мама держала значок.

Он повернулся к ней. Достал сигарету и шумно затянулся.

— Ты думаешь, я тут просто так. Напарница. Ученица, как ты говоришь. — Она вдохнула, как перед прыжком в глубокую воду. — Отца я не знаю. Он ушёл, когда мне было два. Мама говорила про него одно слово: служба. Больше ничего. Я его не искала. Не знаю, жив ли он.

Снег садился ей на ресницы, и она не смахивала его.

— Маму звали Любовь, Люба. Её убили, когда мне было одиннадцать. Я проснулась ночью от звука, который не могла понять. Это был не крик. Это была тишина. Слишком плотная. Я вышла в гостиную. Она лежала на полу. Глаза открыты. Смотрела туда. Ограбление, сказали. Обычное. Взяли деньги, украшения — и убили. Просто так. — Она помолчала. — Мама была машинисткой в отделе. Двенадцать лет печатала чужие протоколы. А её протокол напечатал кто-то другой.

Она замолчала.

— Дело закрыли. Виновных не нашли, а я не смогла с этим жить. Стала журналистом, чтобы искать.

Она достала из кармана старый полицейский значок. Выцветший, потёртый.

— Он был у неё в руке. Она сжимала его так, что он врезался в кожу. Я не знаю, откуда он у неё. Может, вырвала у того, кто стрелял. Может, был у неё всегда. Я ношу его с собой все эти годы.

Андрей смотрел на неё и видел ту же боль, что носил в себе.

— Я ищу его, — сказала Кэт. — Каждый день. В каждом деле. Ищу его лицо в каждом лице, а иногда мне кажется, что я ищу не его. Я ищу то, что осталось от меня после той ночи.

Андрей долго молчал.

— Я не знаю, что ты чувствуешь. Но я знаю, что такое искать. — Он положил руку ей на плечо. — Я тоже буду искать. Пока могу.

Кэт криво улыбнулась.

— Помнишь, как я первый раз ворвалась к тебе в кабинет? Я шла спросить про маму. Увидела тебя — и испугалась. Спросила про другое дело. Ты меня всё равно выгонял.

— Помню, — сказал Андрей. — Ты была права.

— Про другое дело.

— Про другое, — согласился он.

Его ладонь ещё лежала у неё на плече. Тяжёлая, тёплая даже сквозь куртку. Кэт не шевелилась, чтобы он не заметил и не убрал. Он убрал сам. Не сразу.

Кэт убрала значок и застегнула куртку.

— Не знаю, зачем я тебе это сказала. Наверное, потому что больше некому.

Внутри было тихо. Свет горел тускло, будто кто-то приглушил его, чтобы не мешать разговорам.

Наверху их ждал Фёдор с папкой в руках.

— Я хотел поговорить с вами… — начал он и не договорил.

Из кабинета в конце коридора вышла женщина. Высокая, с прямой спиной, в белом платье, которое стекало по ней, как вода. Холодная, как зима, и такая же безмолвная. Светлые волосы уложены волосок к волоску. Она шла по коридору как статуя, которую поставили в углу и забыли, а она взяла и пошла.

— Кто это?

— Тина Казанцева, — тихо сказал Фёдор. — Жена владельца клуба.

Она держалась так, будто смерть Громова и Никиты была дождём, который скоро кончится.

— Она знала Громова?

Фёдор помедлил.

— Они были близки. Насколько — не знаю.

— Тина Александровна?

Она медленно повернулась. Глаза у неё были зелёные. Светлые волосы. Зелёные глаза. Андрей отвёл взгляд. У Веры были такие же.

В её глазах не было ни боли, ни страха. Только презрение. Ровное, как наст.

— Да.

— Андрей Петрович Соболев. По поручению клуба расследую гибель сотрудников. Вы знали Алексея Громова?

— Мы были знакомы, — сказала она с лёгкой насмешкой.

— Вы знали, что он кого-то боялся?

Её взгляд скользнул по его лицу, как по пустому месту.

— Все боятся того, что не могут контролировать. Он боялся правды. Я тоже. — Она отвела глаза. — Я не знаю, кто его убил. Я знаю, что он искал то, что должен был найти. И это его погубило.

— Вы знаете, кто мог его убить? — спросила Кэт.

Тина бросила на неё короткий колкий взгляд.

— Нет. И я не хочу, чтобы моё имя связывали с этим делом. Вопросы — к моему мужу.

Она ушла и растворилась в тени коридора.

Фёдор смотрел ей вслед. Потом на Андрея. Потом снова туда, где она исчезла.

— Не надо было её спрашивать. Она не говорит с чужими.

— Она знала Громова. Это важно.

— Она — часть этого дела, — сказал Андрей. — Как и ты.

Лицо Фёдора окаменело.

— Ты говоришь так, будто я что-то скрываю.

— Ты знал, что он нашёл след?

Пуговица. Расстегнуть. Застегнуть.

— Фёдор.

— Я знал, что он копал.

— Ты знал, что он в опасности?

Фёдор повернулся и пошёл по коридору. Ковёр глушил его шаги, но каждый шаг звучал как прощание.

— Ты ему веришь? — спросила Кэт.

— Нет. Он знает больше. И боится.

— Убийцы?

— Правды. Того, что она сделает с ним. Или с памятью о дочери. — Андрей повернулся к ней. — Узнай всё про Игоря. И про неё. Про Тину. Она была с Громовым, я чувствую.

Кэт кивнула и ушла.

Андрей вышел на улицу. Уже стемнело. Фонари зажгли свой тусклый свет, который ничего не мог спасти. Снег садился на плечи, оседал на ресницах. Он прошёл несколько шагов и остановился.

И увидел его.

Человек в чёрном пальто стоял у фонаря. Он не двигался. Лицо скрывала тень, но он смотрел прямо на Андрея. Там, за стеной падающего снега, стоял не призрак. Плоть. Кровь. Он не прятался.

Он ждал.

Андрей рванулся вперёд. Снег хрустел под ногами, воздух обжигал лёгкие. Человек свернул за угол. Андрей добежал — пусто. Снег, фонарь и собственное дыхание.

Он стоял на том месте, где только что стоял тот, и смотрел в ночь. Лицо мокрое от снега и пота. Они почти встретились. Тот хотел, чтобы Андрей его увидел. Хотел, чтобы знал: он рядом. Он всегда рядом.

Фонарь над головой мигнул. Будто тоже его видел.

Он

Ты считал.

Раз. Он увидел. Два. Он не поверил. Три. Он поверил. Четыре, пять — лицо меняется, как бумага над огнём. Шесть.

На семи он побежал.

Ты свернул за угол на пяти. Тебе хватило.

В следующий раз он побежит на пяти. Потом на трёх. Люди, у которых что-то отняли, всегда бегут быстрее. Им кажется, что если успеть, то вернут.

Это не так.

Глава 12. Свои

Столовая «У Зины» стояла через дорогу от следственного отдела уже лет тридцать. Сюда ходили все — от стажёров до начальников. Здесь давали котлеты с пюре и компот из сухофруктов, а после семи вечера, если попросить, Зина наливала в чайные чашки то, что не было чаем.

Андрей не заходил сюда шесть лет.

Зина узнала его сразу. Подняла голову от кассы, посмотрела поверх очков и ничего не сказала. Просто поставила на поднос три чашки и кивнула на угловой столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.